

Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. T. 4. – Moskva: Nauka, 1980. – 688 s.; T. 7. – Moskva: Nauka, 1981. – 560 s.; T. 10. – Moskva: Nauka, 1982. – 608 s.; T. 11. – Moskva: Nauka, 1983. – 528 s.

V. K. Literaturnye besedy. III / N.D. Hvoshchinskaya // Russkie vedomosti. – 1878. – № 158. – S. 1-3.

V.P. Botkin i I.S. Turgenev. Neizdannaya perepiska: 1851–1869. – Moskva; Leningrad: Academia, 1930. – 352 s.

YA. N.D. Hvoshchinskaya – V. Krestovskij-psevdonim (Bibliograficheskij ocherk) / D.D. YAzykov // Russkaya mysl'. – 1890. – Iyul'. – S. 191-195.

«**YA zhivu ot pochy do pochy...**» Iz perepiski Nadezhdy Dmitrievny Hvoshchin-skoj. – Fichtenwalde: Verlag F. K. Gopfert, 2001. – 272 s.

Архивы

RGALI (Rossijskij gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva). F. 345. Op. 1. D. 851. L. 84 ob. (pis'mo k O.A. Novikovej ot 29 maya 1865 g.).

RGALI. F. 345. Op. 1. D. 851. L. 88 (pis'mo k O.A. Novikovej ot 6 iyulya 1865 g.).

RGALI. F. 345. Op. 1. D. 851. № 217. L. 248 ob. (pis'mo k O.A. Novikovej ot 27 fevralya 1868 g.).

RGALI. F. 345. Op. 1. D. 852. L. 141 ob. (pis'mo k O.A. Novikovej ot 8 aprelya 1874 g.).

М. В. Строганов¹

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина

ТУРГЕНЕВ. СИЛА ЧЕЛОВЕКА СОЦИАЛЬНОГО ПЕРЕД МОЩЬЮ ПРИРОДЫ

Считается, что в изображении человека у И.С. Тургенева преобладают социальные мотивировки. Между тем Тургенев постоянно проверяет социального человека на прочность силами природы, и постоянно человек социальный не выдерживает этой проверки. Эта проверка является,

¹ Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», Институт славянской культуры)

собственно, основным сюжетом всего творчества, всех произведений Тургенева. Истоки такой трактовки человека лежат в натурфилософии рубежа XVIII–XIX вв. и, прежде всего, в творчестве Ф. Шиллера и И. В. Гете, освоенном во многом через А.С. Пушкина.

Ключевые слова. «Равнодушная природа», «покрывало Изида», И.С. Тургенев, И.В. Гете, Ф. Шиллер, А.С. Пушкин.

M.N. Stroganov

Russian State University named after A.N. Kosygin

TURGENEV. THE POWER OF A SOCIAL MAN VS THE POWER OF THE MOTHER NATURE

It is widely believed that while creating characters Turgenev described a human being in the strong connection with his or her social motivation. Meanwhile, Turgenev constantly tested this “social man” who faced the power of the nature and failed each time. The examine is, in fact, the plot of all works of Turgenev and the main idea of his creativity. The origins of the interpretation of the “social man” lie in the natural philosophy of XVIII–XIX centuries and, above all, the art of F. Schiller and J. W. Goethe, developed largely through Alexander Pushkin.

Key words: “Indifferent nature”, “the blanket of Isis”. I.S. Turgenev, I. Goethe, F. Schiller, A.S. Pushkin.

При советской власти известнейшие ученые и послушные студенты, нерадивые школьники и уважаемые писатели – все одинаково суеверно и настойчиво повторяли малопонятные слова о Тургеневе-реалисте, и даже больше того – слова о каких-то классических формах реализма Тургенева. Эта концепция сформировалась, правда, еще в досоветский период, но при советской власти она приобрела ярко выраженный социальный характер: человек рассматривался как продукт социально-политических отношений, и все в нем определялось социальным устройством общества. Например, один известный тургеновед в начале своей книги о Тургеневе проницательно указал на значение для него идей французского философа Блеза Паскаля, назвавшего человека «мыслящим тростником», но потом – вслед за всеми – вернулся к разговору о Тургеневе-реалисте [Батюто, 1972]. Между тем любой беспристрастный и непредвзятый читатель постоянно замечал, что Тургенев на самом деле какой-то очень странный «реалист», потому что у него рядом с социальными мотивировками человека то и дело появлялись какие-то иные мотивировки, чуть ли не стихийно-мистического толка. Поэтому вполне закономерно знаменитый

русский филолог В.Н. Топоров свою книгу, появившуюся в конце прошлого века, назвал «Странный Тургенев» [Топоров, 1998]. Хотя на самом-то деле ничего «странного» в Тургеневе не было, просто социальное, «реалистическое» начало всегда отступало у Тургенева перед началом природно-мистическим, природно-«романтическим».

В конце XVIII – первой трети XIX в. русская литература, как и вся европейская литература в целом, изображала человека на фоне природы и всегда как явление природное. Все, что совершается с героями литературных произведений, объясняется воздействием природных сил: возрастом, полом, нацией. Это величайшее открытие времени было связано с представлениями о естественном человеке и о его естественных правах и обязанностях. Для сентименталистов близость к природе и следование законам природы было признаком идеального человека. Для романтиков, напротив, отличие от общих для всех законов, которые определены в первую очередь природою, и даже нарушение этих законов свидетельствовало о яркой, независимой личности. Такое представление о человеке как существе, которое смело попирает законы природы и живет «поперек их», либо просто не всегда совпадает в своем развитии с миром природы, намечилось уже в 1820-е, а окончательно восторжествовало в 1830-е гг. Однако и этого человека литература измеряла природными мерками. Пускай он не жил по законам природы, но жизнь его понималась как жизнь вопреки этим законам. И иных мерок для описания жизни человека не существовало. Человек романтизма – это тот же природный человек, только представлен он в негативе, «от противного». Именно такими изображают своих героев Байрон и Шелли, Гете и Гофман, Сент-Бёв и Гюго, а в России – Лермонтов.

1.1.

При переходе от сентиментализма к романтизму большое значение получил в Европе старинный миф о «вечной Изиде». Исида – так в древнеегипетской мифологии звали богиню плодородия, воды и ветра, которая была символом женственности, материнства, семейной верности, покровительницей царской власти и рожениц, богиней мореплавания, волшебства, охранительницей умерших. На храме Исиды в городе Саисе было написано: «Я то, что было, есть и будет; никто из смертных не приподымал моего покрывала» [цит. по: Смирнова, 1954, с. 325]. В языческом греко-римском мире богиня Исида олицетворяла природу и называлась «та, у которой тысяча имен». В этой роли она и вошла в европейскую культуру, особенно

после того, как Ф. Шиллер написал стихотворение «Саисское изваяние под покровом» (1796).

Стихотворение Шиллера оказало огромное воздействие уже на современников поэта. Именно оно положило начало новому мифу о природе в европейской культуре новейшего времени. Не случайно Новалис уже через два года после стихотворения Шиллера излагал этот миф в набросках романа «Ученики в Саисе» (1798–1800). А последователь Ф.В. Шеллинга Л. Окен издавал в 1816–1818 годах газету «Изида», посвященную по преимуществу вопросам естественной истории и философии природы.

Вслед за Шиллером Изида стала мифологическим обозначением природы и множественности ее ликов, что делает невозможным разгадать ее тайны. Именно такую грозную и устрашающую своей загадочностью Изиду упоминают русские писатели: К.Н. Батюшков в стихотворении «Странствователь и Домосед» (1815), Д.В. Веневитинов в незаконченном прологе «<Смерть Байрона>» (1825), В.Г. Тепляков в «Письмах из Болгарии» (1829, напечатаны в 1833), Н.В. Станкевич в повести «Несколько мгновений из жизни графа Т***» (1833). Старшие современники этих писателей, сентименталисты, видели в природе просто заботливую мать: «В моем веке более Природа была училищем; но за то чада ее умели выпрашивать у нее, как у чадолюбивой Матери, преизящные тайны, и ими пользоваться»; «Мне всегда приятнее и полезнее было играть на лоне великой матери моей, нежели на шаг отступить от нее и своевольствовать» [цит. по: Лотман, Успенский, 2002, с. 542, 543]. Романтики заметили загадочность природы. Так определилась граница между сентиментализмом и романтизмом.

Стихотворение Шиллера находилось за пределами внимания русской литературы первой половины XIX века, и только в середине века начинают появляться переводы. Сначала его перевел М.Л. Михайлов с названием «Истукан Исиды» (1853, 1858). Потом Я.П. Полонский написал подражательное стихотворение «Перед закрытой картиной» (1850-е):

Не забывайте же, как страшно и велико
То, что от наших глаз Изидою сокрыто...
[цит. по: Могилянский, 1980, с. 436].

Тургенев прямо упоминает и образ Изиды, и стихотворение Шиллера в письме к А.И. Герцену от 13 (25) ноября 1862 г. [Тургенев, 1988, с. 131].

Однако в те же 1830-е гг. отделение человека от природы и противопоставление его ей получает не только негативную, но и

позитивную оценку. Жизнь человека вопреки законам природы объясняется теперь условиями и закономерностями общественной жизни, и поэтому человек воспринимается как явление социальное. В результате писатели начинают мотивировать и объяснять бытовую жизнь и поступки героя в первую очередь социальными, материальными причинами. Это приводит к тому, что в 1840-е годы литературе формируется новое направление – реализм, ранний этап которого получил у современников название «натуральная школа» и который истолковывал человека только как продукт социальных отношений и совершенно не признавало у него наличие свободной, не зависящей от общественных условий воли [см. об этом подробнее: Строганов, 1990; Строганов, 2001].

Иначе подошел к проблеме писатель и политический деятель А.И. Герцен, который в трактате «Дилетантизм в науке» (1843) пересказывал отдельные положения стихотворного мифа Шиллера: «...святая дерзость сорвать завесу с Изиды и вперить горящий взор на обнаженную истину, хотя бы то стоило жизни, лучших упований» [Герцен, 1954, с. 22]. Но Шиллер считал (перевод М.Л. Михайлова), что тому,

Кто к Истине идет стезею преступления,
Тому и в Истине не ведать наслажденья!
[Михайлов, 1958, с. 236].

А Герцен не видит преступления в этой научной дерзости, в этом срывании завесы с Изиды.

Дело в том, что Герцен в книге «Письма об изучении природы» (1845–1846) писал, что человек не находится «вне природы», что он «только относительно противоположен ей, а не в самом деле». И продолжал: «...если бы природа действительно противоречила разуму, всё материальное было бы нелепо, нецелесообразно. Мы привыкли человеческий мир отделять каменной стеной от мира природы; это несправедливо; в действительности вообще нет никаких строго проведенных межей и границ <...> человек имеет свое мировое призвание в той же самой природе, доканчивает ее возведением в мысль <...> Всё то, что не развито, чего недостает природе, то есть, то развивается в человеке...» [Герцен, 1954, с. 126-127]; «мозг человека – орудие сознания природы» [Герцен, 1954, с. 301-302]. Иначе сказать, цель и назначение человека – это уразумевание природы, природа в человеке понимает сама себя. А в финальных главах романа «Кто виноват?» (1841–1846) Герцен так описывает городской сад – кусочек природы в социальном пространстве: «Давно замечено поэтами, что природа до отвратительной степени равнодушна к тому, что делают

люди на ее спине <...> Природа <...> вовсе не смотрела на то, что по саду никто не гулял; а кто гулял, тот обращал внимание не на деревья <...> равнодушная природа превосходно разрослась, особенно по боковым аллеям, и это не от скромности, а оттого, что прежний губернатор велел подрезать на большой аллее старые липы; ему казалось несовместимым с буквальным исполнением обязанности такое своеволие липовых сучьев» [Герцен, 1955, с. 169-170].

1.2.

Образ «равнодушной природы» принадлежит не Герцену, и он сам замечает, что это «давно замечено поэтами». И на самом деле, в последней строфе стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» (1829) А.С. Пушкин писал:

И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вечною сиять
[Пушкин, 1937, с. 195].

Однако еще до Пушкина образ «равнодушной природы» использовали В.Г. Тепляков, М.А. Дмитриев, С.П. Жихарев и многие другие, указывая обычно, что он восходит к Гете. Современные исследователи склоняются к тому, что источником этого образа является «Пролог в театре» к «Фаусту» [Бочаров, 2007, с. 269; Небольсин, 1975, с. 159], где в уста Поэта Гете вложил следующие слова:

Wenn die Natur des Fadens ew'ge Länge,
Gleichgültig drehend, auf die Spindel zwingt...

Русские переводчики одинаково неудачно передавали в этом фрагменте эпитет *gleichgültig* – ‘равнодушный’. Б.Л. Пастернак передал равнодушие природы, но перевел эпизод излишне многословно (1948–1951):

Когда природа крутит жизни пряжу
И вертится времен веретено,
Ей всё равно, идет ли нитка глаже,
Или с задоринками волокно
[Гете, 1960, с. 8].

А.А. Фет тоже поэтичен и очень четок (1882), но он заменил эпитет *равнодушный* на *бездушный*, что явно не одно и то же:

Когда природа жизни бесконечной
Бездушное крутит веретено...
[Фауст, 1899, с. 18].

Н.А. Холодковский перевел этот фрагмент и буквально точнее (передав слово *равнодушный*), и вместе с тем ближе к оригиналу, сблизив природу и равнодушие (1878), но второй стих и не точен, и не красив:

Когда природа-мать движеньем равнодушным
Нить вечную влечет веретеном послушным...
[Гете, 2003, с. 124].

Однако в любом случае поиски источника пушкинского образа в «Фаусте» были обречены на неудачу, так как и у самого Гете этот образ не столь близок к формуле Пушкина. Мы уже указывали на возможность других гетевских прототекстов для Пушкина [см. об этом: Строганов, 2003]. Сейчас конкретизируем эти наблюдения.

М.А. Дмитриев в своих воспоминаниях, рассуждая о смерти своего близкого друга, говорит: «Всё проходит; не будет и меня, а бесчувственная природа будет зеленеть по-прежнему, но едва ли увидит когда людей, напоминающих прежнее время!

Недаром сказал Гете...»

Далее Дмитриев цитирует текст, который оказывается его собственным вольным переводом стихотворения Гете «Божественное» (Das Göttliche, 1783), у Дмитриева – «Божественность»:

Природа бесчувственна! Солнце
Сияет равно
На злых и на добрых
[Дмитриев, 1998, с. 390; СамКульт].

Ср. более точный перевод Ап. Григорьева [Григорьев, 2001, с. 540].

Ср. оригинал Гете:

Denn unführend
Ist die Natur:
Es leuchtet die Sonne
Über Bö's und Gute...

Однако для Гете эта образность была темой постоянных, напряженных размышлений, так что не стоит думать, будто она отразилась только в одном или другом произведении. Вот яркий тому пример – фрагмент из «Писем из Швейцарии» (Briefe aus der Schweiz, 1808, дополнение к роману «Страдания юного Вертера», часть 1-я):

«Ja, ich komme zurück, und was mich erwartet, war wohl der Mühe wert, diese Berghöhen zu erklettern, diese Täler zu durchirren und diesen blauen Himmel zu sehen, zu sehen, daß es eine Natur gibt, die durch eine ewige, stumme Notwendigkeit besteht, die unbedürftig, gefühllos und

göttlich ist, indes wir in Flecken und Städten unser kümmerliches Bedürfnis zu sichern haben und nebenher alles einer verworrenen Willkür unterwerfen, die wir Freiheit nennen».

Ср. перевод А. Габричевского: «Да, я вернусь, но то, что меня ожидает, стоило того, чтобы взбираться на эти горные кручи, чтобы бродить по этим долинам, чтобы видеть это синее небо, видеть, что существует природа, которая зиждется на вечной, немой необходимости, которая ни в чем не нуждается, которая бесчувственна и божественна, в то время как мы в местечках и городах должны бороться за свои жалкие нужды, и вместе с тем всё подчиняем смутному произволу, именуемому нами свободой» [Гете, 1978, с. 110].

Тургенев, разумеется, знал формулу «равнодушная природа» из Пушкина. Но знал он и общефилософский контекст этого образа и в письме от 27, 31 августа (8, 12 сентября) 1860 г. писал А.А. Фету по поводу приобретения последним усадьбы Степановка: «Я очень рад за Вас, что Вы действительно сделали добрую покупку – и успокоились и получили новое поле для деятельности. Жаль, что от Спасского немного далеко – но с подставными лошадьми вскорости доехать можно – а местечко для охоты доброе. <...> Поживем еще несколько мирных годков перед концом – а там пусть будет

Равнодушная природа
Красою вечною блистать»
[Тургенев, Письма, 1987, с. 233-234].

Современные Тургеневу писатели, которые противостояли социально мыслящим реалистам, выдвинули на передний план не современно мыслящего героя, а человека, интеллектуально не развитого, но зато чуткого к явлениям природы, которая в ответ на это раскрывает ему свои тайны. Такому герою посвящен рассказ Фета «Каленик» (1854), который начинается небольшим введением: «Все науки, все искусства стремятся к одной цели – постигнуть природу, разгадать ее отрывочные явления и привести их в духе нашем, так сказать, к единому знаменателю; а между тем исследователи, положив руку на сердце, должны признаться, что в объяснениях своих они говорят только слова и слова, а природа все-таки – древняя Изида. Да зачем нам ходить так далеко, рассматривать окружающий нас мир? Там бездна» [Фет, 1854, с. 3]. Фет утверждает, что рациональным путем природу не понять, что для понимания природы нужны какие-то иные, интуитивные пути и методы.

Наивный, не интеллектуальный человек Фета не соперничает с природой и не боится ее. Интеллектуальный герой Герцена с природой тоже «не соперничает, не боится ее». И совершенно иначе относился к

этой проблеме Тургенев, представления которого очень точно описал Я.П. Полонский: «Никак не мог он помириться с тем равнодушием, какое оказывает природа – им так горячо любимая – к человеческому горю или счастью, иначе сказать, ни в чем человеческом не принимает участия. Человек выше природы, потому что создал веру, искусство, науку, но из природы выйти не может – он ее продукт, ее окончательный вывод. Он хватается за всё, чтобы только спастись от этого безучастного холода, от этого равнодушия природы и от сознания своего ничтожества перед ее всесозидающим и всепожирающим могуществом. Что бы мы ни делали, все наши мысли, чувства, дела, даже подвиги будут забыты. Какая же цель этой <...> жизни?» [Полонский, 1983, с. 391-392]. А главная героиня повести «Фауст» (1856) Вера Николаевна Ельцова «боялась тех тайных сил, на которых построена жизнь и которые изредка, но внезапно пробиваются наружу. Горе тому, над кем они разыграются!» [Тургенев, Сочинения, 1980, с. 98].

2.

Отношения человека и природы начали волновать Тургенева еще в студенческие годы, когда он учился в Берлинском университете. Именно к этому времени (конец 1840 – начало 1841) относится его большое философическое письмо к Беттине фон Арним, сестре Клеменса Брентано, жене Ахима фон Арнима, корреспондентке Гете:

«Jene innige Verbindung des menschlichen Geistes mit der Natur ist nicht umsonst das Liebevollste, das Schönste, Tiefste unseres Lebens: nur mit Geistigem, mit Gedanken kann sich unser Geist, unser Denken so innig vermählen. Man muss aber eben so wahr sein, wie die Natur es selbst ist – um in diesen Bund treten zu können – damit jeder Gedanke der Natur, jede Regung in ihr sich unmittelbar in der Menschenseele in bewusste Gedanken, in geistige Gestalten verwandle. <...> Eins sein und unendlich in sich verschieden – ist das nicht ein Wunder? Ein Wunder und eine Welt von Wundern ist die Natur: so soll auch jeder Mensch sein – so ist er auch; und dass er es ist, haben uns die Herrlichen aller Zeiten offenbart. Sind wir denn umsonst – Menschen? Hat sich denn umsonst alles Geistige der Natur in den einen lichten Punct zusammengedrängt – welches Ich heisst? Was wäre Natur ohne uns, – was wären wir ohne Natur? Beides ist nicht zu denken! <...> Ich habe das Wort gefunden: zwischen Ihnen und der Natur ist keine Grenze: in beiden lebt der eine Gott, der in Ihnen sich als Gedanken, als Offenbarung erfasst: ist er gross?» [Тургенев, Письма, 1982, с. 181-182].

Ср. перевод: «Эта тесная связь человеческого духа с природой – не случайно самое приятное, самое прекрасное, самое глубокое явление нашей жизни: только с духовным началом, с идеями может так глубоко сочетаться наш дух, наше мышление. Однако для того чтобы иметь возможность вступить в этот союз, надо быть таким же правдивым, как сама природа, чтобы каждый замысел природы, каждое ее движение претворились в человеческой душе непосредственно в сознательные мысли, в духовные образы. <...> Быть единым и бесконечно различным в себе – разве это не чудо? Природа – единое чудо и целый мир чудес: таким же должен быть каждый человек – таков он и есть; и что он именно таков, открыли нам великие люди всех времен. Разве напрасно мы люди? Разве напрасно всё духовное в природе соединилось в одну светлую точку, которая называется «Я»? Чем была бы природа без нас, – чем были бы мы без природы? И то и другое немислимо! <...> Я нашел подходящее слово: между Вами и природой нет границы; в обоих живет один и тот же бог, который в Вас сознает себя как мысль, как откровение; велик ли он?» [Тургенев, Письма, 1982, с. 351-363].

Молодой Тургенев еще вполне традиционен: он понимает необходимость взаимного общения человека и природы и не видит никаких возможных конфликтов (можно сказать, что Тургенев пока еще очень похож на Герцена). Однако уже к концу 1840-х гг. он начинает понимать эти отношения иначе. И в письме к Полине Виардо от 29, 30 мая (10, 11 июня) 1849 г. пишет:

«Le désastre survenu à Courtavenel me rappelle une scène pénible dont j'ai été témoin en Russie. – Toute une famille de paysans était sortie en chariot pour aller faire la récolte d'un champ à eux situé à quelques verstes de leur village – et ne voilà-t-il pas qu'une grêle épouvantable vient détruire de fond en comble tous les épis; – ce champ si beau n'était qu'une mare de boue. Je viens à passer par là: ils étaient tous silencieusement assis autour de leur téléga; les femmes pleuraient, le père, tête nue et la poitrine découverte, ne disait rien. Je m'approchai d'eux – je tâchai de les consoler – mais à mon premier mot, le paysan se laissa lentement tomber la face sur la terre et de ses deux mains ramena sa chemise de grosso toile grise sur sa tête. – C'a été le dernier geste de Socrate mourant; – dernière et muette protestation de l'homme contre la cruauté d'ses semblables ou la brutale indifférence de la nature. C'est qu'elle l'est; – elle est indifférente; il n'y a de l'âme qu'en nous et peut-être un peu autour de nous... c'est un faible rayonnement que la vieille nuit cherche éternellement à engloutir. – Cela n'empêche pas cette scélérate de nature d'être admirablement belle – et le rossignol peut nous causer de charmantes extases, pendant qu'un

malheureux insecte à demi broyé se meurt douloureusement dans son gésier» [Тургенев, Письма, 1982, с. 285].

Ср. перевод: «Бедствие, случившееся в Куртавнеле, напоминает мне тягостную сцену, свидетелем которой я был в России. Целая крестьянская семья выехала в телеге, чтобы заняться уборкой своего поля, находившегося в нескольких верстах от их села; и вдруг ужаснейший град дочиста уничтожает весь урожай; – прекрасное поле превратилось в грязную лужу. Мне случилось проходить мимо; все они безмолвно сидели вокруг своей телеги; женщины плакали; отец, с непокрытой головой и обнаженной грудью, ничего не говорил. Я подошел к ним, хотел было их утешить, но при первом моем слове мужик медленно повалился ничком и обеими руками натянул свою рубаху из грубого холста на голову. Это было последним движением умирающего Сократа: последний и безмолвный протест человека против бездушия себе подобных или жестокого равнодушия природы. Да, она такова: она равнодушна; – душа существует только в нас и, может быть, немного вокруг нас... это слабое сияние, которое вечная ночь неизменно стремится поглотить. Но это не мешает злодейке-природе быть восхитительно-прекрасной, и соловей может очаровывать нас и восхищать, а тем временем какое-нибудь несчастное, полураздавленное насекомое мучительно умирает у него в зобу» [Тургенев, Письма, 1982, с. 406-407].

Никакого единства человека с природой быть, оказывается, не может. И не человек виновен в этом разладе, а Природа, которая абсолютно равнодушна к человеческой жизни. Вот почему в каждом своем произведении, начиная с рубежа 1840–1850-х годов, Тургенев рисует одну и ту же ситуацию: человек, который в социальных отношениях казался вполне состоятельным и даже преуспевающим, оказывается совершенно беззащитным и беспомощным, как только сталкивается с природной силой. Мы толкуем романы Тургенева только с социальной точки зрения и не учитываем ту проблематику, которая так волновала его.

Тургенев, как справедливо и очень проницательно заметил Полонский, очень боялся природы – этой великой силы, которая неподвластна человеку и равнодушна к нему. Первым произведением, в котором появляется эта тема, была юношеская поэма Тургенева «Стено». А в «Дневнике лишнего человека» (1849), финале, цитируются строки Пушкина о «равнодушной природе». И со всей отчетливостью эта мысль выражена в рассказе «Поездка в Полесье» (1853): «Из недра вековых лесов, с бессменного лона вод поднимается тот же голос: „Мне нет до тебя дела, – говорит природа человеку, – я

царствую, а ты хлопочи о том, как бы не умереть“. <...> Трудно человеку, существу единого дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, – трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взгляд вечной Изиды...» [Тургенев, Сочинения, 1980, с. 130].

И самым главным проявлением стихийной силы природы в жизни человека он считал любовь. Здесь он опирался на свой собственный опыт: он действительно пережил такую любовь в отношениях с Полиной Виардо, любовь, перед которой были не властны ни разум, ни воля человека. Поэтому в романе «Накануне» (1860) он вложил в уста историка Берсенева такие слова: «...не всегда природа намекает нам на <...> любовь <...>. Она также грозит нам; она напоминает о страшных, да, о недоступных тайнах» [Тургенев, Сочинения, 1981а, с. 166].

В 1860-е гг. молодые и боевые сторонники позитивизма, которых в России с легкой руки Тургенева в романе «Отцы и дети» (1862) стали называть нигилистами, решая вопрос о соотношении в человеке природного и социального начал, отдавали предпочтение началам социальным и помещали человека целиком и полностью в мир общественный. Нигилисты были сосредоточены исключительно на социальных вопросах и вряд ли испытывали мучительные переживания вследствие своего разрыва с природой [Строганов, 2003, с. 42-56]. Во всяком случае, критик-демократ Д.И. Писарев, радостно приветствовавший появление романа «Отцы и дети», в статье «Реалисты» (1864), называя Германию «колыбелью новейшего естествознания», писал, что немецкие натуралисты «прежде других созерцают те великие тайны природы, с которых они срывают завесу» [Писарев, 1956 с. 33]. Писарев использует образ из мифа об Изиде, но как бы не замечает тех бед, которые грозили в мифе человеку за его научную смелость. Человек совершенно оторвался от мира природы и утверждал, как Базаров, главный герой романа Тургенева «Отцы и дети», что «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник» [Тургенев, Сочинения, 1981б, с. 236]. Как предположил С.А. Небольсин [Небольсин, 1977, с. 12], Базаров отвечает художественному манифесту Ш. Бодлера, его «Соответствиям» (пер. В. Левика):

Природа – некий храм, где от живых колонн
Обрывки смутных фраз исходят временами.
Как в чаще символов, мы бродим в этом храме,
И взглядом родственным глядит на смертных он.
Подобно голосам на дальнем расстоянии,

Когда их стройный хор един, как тень и свет,
Перекликаются звук, запах, форма, цвет,
Глубокий, темный смысл обретшие в слиянье
[Европейская поэзия XIX века, 1977, с. 679].

Такая начитанность не вполне вероятна для тургеневского героя, и вполне очевидна для самого Тургенева. Однако, как мы видели, истоки образа Иисуса уходят гораздо глубже.

В рамках этих представлений сформировалась позднее и та позиция, которую так ярко сформулировал советский биолог-селекционер И.В. Мичурин: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее – наша задача» [Мичурин, 1934, с. 72]. Для практической селекции эти слова имели, конечно, вполне конкретный и несколько не «страшный» смысл, однако в рамках советской идеологии (а предисловия к сочинениям Мичурина писал знаменитый своей борьбой с генетикой академик Т.Д. Лысенко) они приобретали агрессивный по отношению к природе характер.

Но Тургенев видел ситуацию совершенно иначе, и главный Базаров романа «Отцы и дети» говорит, что его мучит следующая проблема: «Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже... Что за безобразие! Что за пустяки!» [Тургенев, Сочинения, 1981б, с. 323]. Базаров как неординарный человек пытается «соперничать» с природой, но из этого у него ничего не получается. Он на самом деле сильнее и выше всех остальных героев романа, он выходит победителем из всех споров с ними – этому посвящена вся первая часть. Но во второй части романа Базаров сталкивается с природной, стихийной силой любви и оказывается совершенно беззащитным перед ней. А потом он, упражняясь во вскрытии умершего от тифа мужика, случайно ранит палей и умирает от заражения крови. Вся сила и мощь человека социального оказываются бессильны перед мощью природы.

Только так и следует объяснять те ситуации, в которые попадают герои этих и других произведений Тургенева: повестей «Первая любовь», «Ася», «Вешние воды», «Клара Милич», романов «Дым» и «Новь», стихотворений в прозе «Senilia». Об этом – весь зрелый Тургенев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Батюто, А. И. Тургенев-романист / А.И. Батюто. – Ленинград: Наука, 1972. – 394 с.

Бочаров, С. Г. Филологические сюжеты / С.Г. Бочаров. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – 656 с.

Герцен, А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 3 / А.И. Герцен. – Москва: Изд. АН СССР, 1954. – 364 с.; Т. 4 / А.И. Герцен. – Москва: Изд. АН СССР, 1955. – 344 с.

Гете, И. В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 6: Романы и повести / И.В. Гете. – Москва: Художественная литература, 1978. – 480 с.

Гете. Фауст: Трагедия / Пер. А. Фета / Гете. – Санкт-Петербург: Изд. А.Ф. Маркса, 1899. – 173 с.

Гете, Иоганн Вольфганг. Фауст: Трагедия / Пер. Б. Пастернака / Иоганн Вольфганг Гете. – Москва: ГИХЛ, 1960. – 322 с.

Гете, Иоганн Вольфганг. Страдания юного Вертера. Фауст. Стихотворения / Иоганн Вольфганг Гете. – Москва: НФ «Пушкинская библиотека», 2003. – 748 с.

Григорьев, Аполлон. Стихотворения. Поэмы. Драмы / Вступит. статья, составление, подготовка текста и примечания Б.Ф. Егорова / Аполлон Григорьев. – Санкт-Петербург: Академический проект, 2001. – 760 с.

Дмитриев, М. Главы из воспоминаний моей жизни / Подготовка текста и комментарии К.Г. Боленко, Е.Э. Ляминой, Т.Ф. Нешумовой. Вступит. статья К.Г. Боленко и Е.Э. Ляминой / М. Дмитриев. – Москва: Новое литературное обозрение, 1998. – 750 с.

Европейская поэзия XIX века. – Москва: Художественная литература, 1977. – 928 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия вторая: Литература XIX века).

Лотман, Ю. М. Споры о языке в начале XIX века как факт русской культуры («Происшествие в Царстве теней, или Судьбина русского языка» – неизвестное сочинение Семена Боброва) / Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2002. – 768 с.

Михайлов, М. Л. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Стихотворения / М.Л. Михайлов. – Москва: ГИХЛ, 1958. – 638 с.

Мичурин, И. В. Итоги шестидесятилетних трудов по выведению новых сортов плодовых растений. 3-е изд., перераб. и доп. / И.В. Мичурин. – Москва; Ленинград: Сельхозгиз, 1934. – 367 с.

Могиланский, А. П. Комментарии <к «Поездке в Полесье»> / А.П. Могиланский // Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и

писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. 2-е изд., исправ. и доп. Т. 5. – Москва: Наука, 1980. – С. 431-437.

Небольсин, С. А. О «равнодушной природе» и сопротивлении «стихиям»: Пушкин и Блок / С.А. Небольсин // Пушкин и литература народов Советского Союза: Сборник статей. – Ереван: Ереванский гос. ун-т, 1975. – С. 159-178.

Небольсин, С. А. Поэзия прошлого века / С.А. Небольсин // Европейская поэзия XIX века. – Москва: Художественная литература, 1977. – С. 5-20. (Библиотека всемирной литературы. Серия вторая: Литература XIX века).

Писарев, Д. И. Сочинения: в 4 т. Т. 3 / Д.И. Писарев. – Москва: ГИХЛ, 1956. – 570 с.

Полонский, Я. П. И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину (Из воспоминаний) / Я.П. Полонский // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. – Москва: Художественная литература, 1969. – С. 387-440.

Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. Т. III / А.С. Пушкин. – Ленинград: Изд. АН СССР, 1937. – 1378 с.

СамКульт. Михаил Дмитриев. Неизвестный самарский поэт пушкинского круга. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://samcult.ru/heritage/14626>. (19.11.2018).

Смирнова, З. В. Комментарии <к «Дилетантизму в науке»> / З.В. Смирнова // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 3. – Москва: Изд. АН СССР, 1954. – С. 320-328.

Строганов, М. В. Человек в художественном мире Пушкина / М.В. Строганов. – Тверь: ТвГУ, 1990. – 84 с.

Строганов, М. В. Человек в русской литературе первой половины XIX века. [3-е изд.] / М.В. Строганов. – Тверь: ТвГУ, 2001. – 192 с.

Строганов, М. В. Человек и природа в русской литературе XIX века: к истории формирования экологической проблематики / М.В. Строганов // Дары природы и плоды цивилизации: Экологический альманах. – Тверь: Золотая буква, 2003. – С. 42-56.

Топоров, В. Н. Странный Тургенев (Четыре главы) / В.Н. Топоров. – Москва: Изд-во РГГУ, 1998. – 190 с. – (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 20).

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. 2-е изд., исправ. и доп. Т. 5. – Москва: Наука, 1980. – 544 с.; Т. 6. – Москва: Наука, 1981а. – 496 с.; Т. 8. – Москва: Наука, 1981б. – 542 с.

Тургенев, И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. 2-е изд., исправ. и доп. Т. 1. – Москва: Наука, 1982. – 608 с.; Т. 4. – Москва: Наука, 1987. – 768 с.; Т. 5. – Москва: Наука, 1988. – 640 с.

Фет, А. Каленик / А. Фет // Отечественные записки. – 1854. – № 3. – С. 3-16.

REFERENCES:

Batuta, A. I. Turgenev-novelist / A.I. Batoto. – Leningrad: Nauka, 1972. – 394 p.

Bocharov, S. G. Filologicheskie syujeti / S.G. Bocharov. – Moskva: Yaziki slavyanskikh kultur, 2007. – 656 s.

Gercen, A. I. Sobranie sochinenii: v 30 t. T. 3 / A.I. Gercen. – Moskva: Izd. AN SSSR, 1954. – 364 s.; T. 4 / A.I. Gercen. – Moskva: Izd. AN SSSR, 1955. – 344 s.

Gete, I. V. Sobranie sochinenii: v 10 t. T. 6. Romani i povesti / I.V. Gete. – Moskva: Hudojestvennaya literature, 1978. – 480 s.

Gete. Faust. Tragediya / Per. A. Feta / Gete. – Sankt-Peterburg: Izd. A.F. Marksa, 1899. – 173 s.

Gete, Iogann Volfgang. Stradaniya yunogo Vertera. Faust. Stihotvoreniya / Iogann Volfgang Gete. – Moskva: NF «Pushkinskaya biblioteka», 2003. – 748 s.

Grigorev, Apollon. Stihotvoreniya. Poemi. Drami / Vstupit. Statya, sostavlenie, podgotovka teksta i primechaniya B.F. Egorova / Apollon Grigorev. – Sankt-Peterburg: Akademicheskii proekt, 2001. – 760 s.

Dmitriev, M. Glavi iz vospominanii moei jizni / Podgotovka teksta i kommentarii K.G. Bolenko, E.E. Lyaminoi, T.F. Neshumovoi. Vstupit. statya K.G. Bolenko i E.E. Lyaminoi / M. Dmitriev. – Moskva: Novoe lite_raturnoe obozrenie, 1998. – 750 s.

Evropeiskaya poeziya XIX veka. – Moskva: Hudojestvennaya literature, 1977. – 928 s. (Biblioteka vseмирnoi literaturi. Seriya vtoraya. Literatura XIX veka).

Lotman, Yu. M. Spori o yazike v nachale XIX veka kak fakt russkoi kulturi. «Proisshestvie v Carstve tenei, ili Sudbina rossiiskogo yazika» – neizvestnoe sochinenie Semena Bobrova / Yu.M. Lotman, B.A. Uspenskii // Lotman Yu. M. Istoriya i tipologiya russkoi kulturi. – Sankt-Peterburg: Iskusstvo – SPB, 2002. – 768 s.

Mihailov, M. L. Sochineniya: v 3 t. T. 1. Stihotvoreniya / M.L. Mihailov. – Moskva: GIHL, 1958. – 638 s.

Michurin, I. V. Itogi shestidesyatiletних trudov po vivedeniyu novih sortov plodovih rastenii. 3_e izd., pererab. i dop. / I.V. Michurin. – Moskva; Leningrad: Sel'hozgiz, 1934. – 367 s.

Mogilyanskii, A. P. Kommentarii <k «Poezdke v Polese»> / A.P. Mogilyanskii // Turgenev I.S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. 2-e izd., isprav. i dop. T. 5. – Moskva: Nauka, 1980. – S. 431-437.

Nebolsin, S. A. O «ravnodushnoi prirode» i soprotivlenii «stihiyam». Pushkin i Blok / S.A. Nebolsin // Pushkin i literatura narodov Sovetskogo Soyuza. Sbornik statei. – Erevan: Erevanskii gos. Un-t, 1975. – S. 159-178.

Nebolsin, S. A. Poeziya proshlogo veka / S.A. Nebolsin // Evropeiskaya poeziya XIX veka. – Moskva: Hudojestvennaya literature, 1977. – S. 5-20. (Biblioteka vsemirnoi literaturi. Seriya vtoraya. Literatura XIX veka).

Pisarev, D. I. Sochineniya: v 4 t. T. 3 / D.I. Pisarev. – Moskva: GIHL, 1956. – 570 s.

Polonskii, Ya. P. I. S. Turgenev u sebya v ego poslednii priезд na rodinu. Iz vospominanii / Ya.P. Polonskii // I. S. Turgenev v vospominaniyah sovremennikov: v 2 t. T. 2. – Moskva: Hudojestvennaya literature, 1969. – S. 387-440.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenii: v 17 t. T. III / A.S. Pushkin. – Leningrad: Izd. AN SSSR, 1937. – 1378 s.

SamKult. Mihail Dmitriev. Neizvestnii samarskii poet push_kinskogo kruga. – [Elektronnii resurs]. – URL: <http://samcult.ru/heritage/14626>. (19.11.2018).

Smirnova, Z. V. Kommentarii <k «Diletantizmu v nauke»> / Z.V. Smirnova // Gercen A. I. Sobranie sochinenii: v 30 t. T. 3. – Moskva: Izd. AN SSSR, 1954. – S. 320-328.

Stroganov, M. V. Chelovek v hudojestvennom mire Pushkina / M.V. Stroganov. – Tver: TvGU, 1990. – 84 s.

Stroganov, M. V. Chelovek v russkoi literature pervoi polovini XIX veka. [3-e izd.] / M.V. Stroganov. – Tver: TvGU, 2001. – 192 s.

Stroganov, M. V. Chelovek i priroda v russkoi literature XIX veka: k istorii formirovaniya ekologicheskoi problematiki / M.V. Stroganov // Dari prirodi i plodi civilizatsii. Ekologicheskii almanah. – Tver: Zolotaya bukva, 2003. – S. 42-56.

Toporov, V. N. Strannii Turgenev. Chetire glavi / V.N. Toporov. – Moskva: Izd-vo RGGU, 1998. – 190 s. – (Chteniya po istorii i teorii kulturi. Vip. 20).

Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Sochineniya: v 12 t. 2-e izd., isprav. i dop. T. 5. – Moskva: Nauka, 1980. – 544 s.; T. 6. – Moskva: Nauka, 1981a. – 496 s.; T. 8. – Moskva: Nauka, 1981b. – 542 s.

Turgenev, I. S. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t. Pisma: v 18 t. 2-e izd., isprav. i dop. T. 1. – Moskva: Nauka, 1982. – 608 s.; T. 4. – Moskva: Nauka, 1987. – 768 s.; T. 5. – Moskva: Nauka, 1988. – 640 s.

Fet, A. Kalenik / A. Fet // Otechestvennie zapiski. – 1854. – № 3. – S. 3-16.

Г.П. Козубовская¹

Алтайский государственный педагогический университет

«АНДРЕЙ КОЛОСОВ» И ПОЭТИКА РАННЕЙ ПРОЗЫ И.С. ТУРГЕНЕВА

В статье, обращенной к одному из первых прозаических опытов И.С. Тургенева, рассматриваются принципы формирующейся поэтики писателя. Показано, как в мотиве поиска героя, разветвляющемся в многослойном сюжете, организованном двоящейся точкой зрения рассказчика, в параллелизме историй Колосова и рассказчика, в зеркальных проекциях фоновых персонажей, варьирующих характеры центральных, раскрывается драматизм столкновения с действительностью. Внутренняя коллизия рассказчика, переживающего разрыв между прогнозируемым в слове и остающимся недосказанным, реализуется в игре текста с подтекстом, в актуализации архетипических смыслов имен и ситуаций, в семантической поэтике, снимающей определенность и однозначность переживаемого.

Ключевые слова: архетип, «демоническое», И.С. Тургенев, ирония, мнемоническое повествование, мотив, «необыкновенное», рассказчик, семантическая поэтика, «таинственное», фоновый персонаж.

G. P. Kozubovskaya

Altai State Pedagogical University

“ANDREI KOLOSOV” AND THE POETICS OF EARLY PROSE BY I. S. TURGENEV

The article is devoted to one of the first prose approaches of I. S. Turgenev and considers the principles of his developing poetics. It is shown how in the hero's

¹ Галина Петровна Козубовская, доктор филологических наук, профессор АлтГПУ.